

Делия С. Гусман

Игры Майи

Делия Стейнберг Гусман
Игры Майи
Серия «Библиотека «Нового Акрополя»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12007047
Делия С. Гусман. Игры Майи: Новый Акрополь; Москва; 2015
ISBN 978-5-91896-099-8

Аннотация

В книге испанского философа Д. С. Гусман рассказывается о Майе – древнем восточном божестве, воплощающем Иллюзию. Речь идет о завесе, за которой Природа скрывает суть всех вещей и явлений, чтобы мы, люди, не смогли слишком легко постичь ее скрытые законы. Майя выполняет важную функцию – указывает на то, что не подлинно, на то, чего на самом деле нет, на то, что живет не дольше вспышки света, на то, что всего лишь прах по сравнению с Великим Бытием, с Великой Истиной... Майя – это зеркало. Она ни хороша, ни плоха... Когда-то человек станет настолько совершенным, что она уже будет не нужна. Но пока нам еще необходимо знать ее хитрости и ловушки, чтобы не так часто попадать в ее сети иллюзии.

Содержание

Введение	5
I	7
II	9
III	13
IV	17
V	21
VI	23
VII	28
VIII	31
IX	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Делия С. Гусман

Игры Майи

Delia S. Guzmán
Los juegos de Maya

© Delia S. Guzmán, Los juegos de Maya, 1982
© Издательство «Новый Акрополь», 2015

Введение

Майя – древнее восточное божество, воплощающее Иллюзию. Это завеса, за которой Природа прячет суть всех вещей и явлений, чтобы мы, люди, не смогли слишком легко постичь ее сокровенные законы. Красота Майи и ее многочисленные игры обманывают и искушают нас, помогая прожить те годы, что отмерены нам на Земле.

Иллюзия играет с нашими чувствами. И мы участвуем в этой игре – более или менее отдавая себе в этом отчет. Хотя мы и воспринимаем иллюзию как то, чего не существует, строго говоря, это не так. Игры Иллюзии основываются на реальных и конкретных, но переходящих вещах. Это реальности, существующие не дольше мыльного пузыря... не дольше иллюзии. Однако мы в своем невежестве полагаем, что эти сиюминутные истины и есть настоящее.

Сосредоточивая свои усилия и самые большие свои надежды на играх Майи, мы познаем боль. Ибо все, что мы любим, ускользает от нас, утекает сквозь пальцы, а мы, как будто становясь слепыми, не видим того, что более прочно, что менее обманчиво, что ближе к бессмертному.

Почему же мы вовлекаемся в эти игры? Почему, сами того не замечая, подчиняемся иллюзии Майи? Ответить на этот вопрос – все равно что узнать наверняка, почему играет ребенок. Ребенок играл бы, даже если бы знал, что его игра – простой обман. Ведь он должен пробовать, должен проверять свои силы и готовиться к другой, большой игре – к самой жизни. А мы всегда чуть-чуть дети. Мы не уверены в своем конечном жребии и всю жизнь играем, пытаемся доказать самим себе, что способны совершать правильные действия.

Мы все участвуем в играх Майи...

I

Игра

Жил-был однажды очень серьезный ребенок, настолько серьезный, что ему было глубоко жаль других детей, которые целыми днями играли. Этот маленький человечек догадался, что куклы, машинки, маски и другие игрушки для взрослых были ненастоящими и не представляли никакой ценности. Поэтому он не захотел быть маленьким и решил обойтись без этих подделок.

Пока все дети играли, он проводил время один, в сторонке, и страдал, видя, как его товарищи наслаждаются вымышленными путешествиями и приключениями. Одиноким ребенок попытался искать утешения в чтении, но вскоре увидел, что и книги полны вымысла и не всегда правдивых историй. Он погрузился в созерцание природы и с ужасом убедился, что природа тоже играет... и обманывает своими красками и светом, линиями и запахами...

Ребенку захотелось найти объяснение всему этому, и он обратился к своим товарищам, игравшим поодаль:

– Почему вы играете? Разве вы не видите, что все ваши игрушки – это обман, что они бесполезны в настоящей жизни?

– Мы играем во взрослых.

– Но ваши машинки не похожи на машины взрослых... Они не ездят по улицам... И ваши куклы – тоже не настоящие дети.

– Мы знаем. Но, играя с этими машинками и куклами, мы делаем то, что будем делать, когда станем взрослыми, мужчинами и женщинами. Тогда мы не испугаемся ни детей, которые у нас родятся, ни машин, которыми мы будем управлять.

– Значит, вы знаете, что играете с иллюзией?

– Конечно, мы это знаем, но не думаем об этом. Если бы мы каждую минуту помнили, что наши игрушки всего лишь подражание и подделки, мы бы не смогли играть. А нам нужно играть, нам нужно пробовать делать то, что завтра нам придется делать на самом деле. Поэтому мы погружаемся в свою игру и наслаждаемся ею, как самой настоящей правдой.

Одиноким ребенок одумался и понял, почему он постоянно грустил. Не всегда приносит счастье знание всех истин или их постоянное присутствие.

* * *

Жил-был однажды человек, которого все звали «философ». Он был не как все, его не заботило то, что заботило других; напротив, этот человек глубоко презирал каждодневные заботы «нормальных» людей. Философ знал многое о жизни и смерти, о добре и зле, о судьбе и ее законах и не хотел соприкасаться с мирской суетой.

Пока все люди сновали туда-сюда, как трудолюбивые муравьи, наш философ оставался в стороне, размышляя в уединении и не доверяя ничьим чувствам, мыслям и намерениям.

Он смотрел на действия других людей с иронической усмешкой. Как же это они не догадываются, что участвуют в великой игре, называемой жизнью? Как не понимают, что все их усилия бесполезны, потому что судьба человечества уже предрешена свыше? Зачем они страдают и радуются, тоскуют и горят желанием, не видя, что ничто на земле не заслуживает ни смеха, ни слез, ни желаний, ни усилий?

Для философа еда была пыткой, сон – потребностью тела, любовь – недостатком зрелости и самодостаточности. Чтение – лишней суетой, действие – чем-то ненужным... А стра-

дание... страдание было чем-то, чего он со всей своей философией избежать не мог. И этим он был ужасно похож на всех остальных...

* * *

Но все дело в том, что Майя и ее игры – это тоже закон жизни. Одно дело – узнавать ее ловушки и совсем другое – хотеть их избежать. Узнавать игру Майи значит обретать человеческое сознание. Избегать игр Майи – это гораздо больше, чем быть просто философом: это значит достичь Бога, это значит преодолеть человеческий этап и все его потребности.

И пока мы пребываем на нынешнем этапе эволюции, Майя будет нашей вечной спутницей. Она пытается не столько обмануть нас, сколько украсить улыбками и миражами тяжкие испытания, которые мы должны пройти, если действительно хотим преодолеть себя. В Майе больше милосердия, чем злого умысла, больше желания помочь, чем стремления ранить. В силах человека – понять это усилие Природы и поблагодарить за него, за желание сделать более приятной нашу жизнь на Земле.

Играть, не забывая о том, что мы именно играем, – вот в чем секрет. Готовиться «стать большими», когда нам уже не будут нужны ни игрушки, ни поддержка в поиске своего места в существовании. А пока что надо принять, что мы дети, и стараться вырасти. С Майей, с ее играми и западнями, с ее чарами и ловушками, с ее ароматом наша жизнь течет быстрее, а к нашему знанию добавляется новый важный опыт. Познание избавляет от низкого и безобразного. Вместе с Познанием игры Майи – это соль жизни.

* * *

Сейчас, когда я пишу эти строки, я вспоминаю, как в детстве, устав от навязываемых норм поведения, частенько думала, что вся жизнь – это великая игра, великое представление на подмостках бытия. Тогда я наслаждалась каждым своим шагом, воображая себя актрисой, которая должна как можно лучше сыграть свою роль, поскольку на меня смотрят тысячи глаз. И я играла в жизнь, тщательно следя за своей одеждой, за движениями, жестами и взглядами.

Отрочество разбило мои мечты о театре и сцене... Жизнь была слишком сложной и важной, чтобы «играть» ее.

А теперь я возвращаюсь к тем мыслям, которые вдохновляли мое детство. Все вокруг – великая игра. Майя, ее игрушки, все люди и я сама – мы все актеры. Жизнь – это сцена. Когда опустится занавес, когда погаснут огни, закончится это представление и откроются двери новой тайны. И я не уверена, что Майи не будет и там, среди теней между кулисами. Она будет ждать нас с новыми игрушками для жизни в этом новом мире.

II

Одиночество

На синусоиде бытия есть участки, возвышающиеся над осевой линией, их мы называем временем жизни; и есть другие, находящиеся под этим горизонтом, – их мы называем смертью. На самом же деле все это – бытие, независимо от того, по какую сторону разделяющей линии оно находится. По-настоящему важен лишь момент пересечения этой линии, будь то рождение или смерть.

И рождаясь, и умирая, мы остаемся в одиночестве. И не важно, сколько людей окружает нас в эти мгновения, на самом деле мы одиноки. Очень вероятно, что мы останемся одинокими всю жизнь. И не потому, что не с кем будет скоротать время, а потому, что по-настоящему никто не в силах проникнуть в нашу душу, и она остается одинокой просто по самой своей природе.

Трудно раскрыть тайну жизни и смерти. Смерть застает нас врасплох из-за нашего невежества, но жизнь и смысл прихода в жизнь по-прежнему остаются загадками, практически неразрешимыми для человеческого мышления.

Возможно, однажды наша душа отделилась от огромного Нечто, частью которого была. Она оторвалась от него в поисках нового опыта, влекомая простодушной жаждой познания, которая свойственна невинным душам. И так она оказалась на Земле, одна, безумно одинокая и оторванная от своего небесного лона. И с тех пор душа блуждает по Земле, порой облаченная в материю, порой – нет, блуждает в поисках средства, которое позволило бы ей вернуться к своим истокам, туда, где она не была одинока, потому что не была отделена. И это средство – Познание. Знание – это сила. Однажды мы сможем вернуться – так же, как когда-то ушли.

* * *

Одиночество – великий союзник Майи. Чем более одинокими мы себя чувствуем, тем больше прибегаем к играм иллюзии, чтобы избавиться от этой внутренней тоски.

И тут начинается новая драма – драма сосуществования. Одиноким души хотят жить рядом с другими одинокими душами, хотя они никогда не смогут понять друг друга полностью, потому что одиночество – знак, которым отмечены мы все.

Сосуществование принимает разные формы, от простой любви, которая объединяет два существа, до самых сложных чувств, свойственных обществу или даже человечеству. Так возникают семьи, группы людей, города, сообщества, церкви, политические партии... Все это сети Майи, в которые попадает человек, вообразивший, что наконец-то победил свое одиночество. Но чем больше он в них запутывается, тем более одиноким становится.

* * *

Мудрый Платон говорил, что человек состоит из «одного и другого». Нельзя выразиться вернее. «Одно» – это то неделимое, что является внутренней сущностью; это одинокая душа. «Другое» же – это маска, которую душа надевает в мире, чтобы с ее помощью в самых разных формах бороться со своим одиночеством.

Надев маску, можно разными способами играть, представляя себе, как разделяешь с кем-то что-то. Так возникает дружба, любовь, сыновние и отцовские чувства, любовь ко всем людям и даже к животным и растениям. В своих самых утонченных проявлениях любовь

обращается к бесконечности звезд, и человек даже становится способен постичь Бога и возлюбить его за то совершенство, в котором ему открывается Его Мир.

Но сколько же бывает разочарований! Случается, что дружба остывает, любовь со временем умирает, дети предают своих родителей, а родители бросают детей и рождаются люди, которых, кроме их самих, ничего не интересует... Есть наука, которая лишает звезды их романтического блеска, есть много религий, которые борются между собой из-за одного и того же Бога. Что же делать?

И тогда человек с отвращением сбрасывает свою маску и в отчаянии замыкается в себе, думая, что никогда не сможет избежать одиночества. И вот тут-то его подстерегает большая неожиданность.

Именно в своем «я», в своем внутреннем существе мы находим настоящего друга, который всегда с нами, который верен нам и в радости, и в страдании, который смотрит на нашу жизнь без упреков и злорадства и тянет нас вверх, всегда тянет вверх, не требуя за это никакой награды.

Чудеса продолжают. Когда человек открывает этого настоящего друга, отца и брата, все вновь обретает смысл. Читать, слушать музыку, наслаждаться очарованием природы – все это делает уже не ушедший в себя отшельник, а человек, сопровождаемый своим подлинным «я».

И теперь уже становится возможно выстраивать узы с другими людьми, поскольку в каждом из них есть такой же спутник-«я», который так же заботится о них, как наш только что обретенный друг – о нас. Теперь и только теперь становятся возможны понимание и настоящие чувства. Кто не заглянул сначала глубоко внутрь себя, пусть не надеется понять, хотя бы как-то, что происходит вокруг. Сначала внутрь, потом – наружу.

Нельзя сказать, что одиночество таким образом исчезает, ведь это неотъемлемое свойство души. Но разные одиночества все же могут объединяться и играть с миражами Майи, покуда длится жизнь. Разделить с кем-то несчастье – тоже одна из форм единения. И возможно даже, что души захотят объединиться, чтобы разделить несчастье утраты истока и возжаждать возвращения туда, где разделения нет.

* * *

Одиночество – это результат разделения. Когда все Едино, где место одиночеству? Поэтому одиночество – это отчуждение, разделение, отрыв.

Чем больше мы делим, тем больше становится одиночества – мы уже создали новые частицы, каждая из которых одинока и отделена от остальных.

Это одна из игр Майи: делить до бесконечности, умножать формы и побуждать нас повторять одно и то же, заставляя верить, будто в большом количестве заключено средство от одиночества.

Но не количество побеждает одиночество: множество лишь заполняет пространство и теряет в качестве, поскольку сущность остается одной и той же, а множатся лишь ее проявления. Надо искать пусть малое, но хорошее, глубокое и одновременно возвышенное.

Возможно, что так, познавая игру Майи, мы сможем преодолеть иллюзию и обрести те недостающие кусочки нашей души, которые она утратила во время своего нисхождения на Землю и которые должна вернуть, чтобы снова стать единой и никогда больше не чувствовать одиночество.

– Ты одинок?

– Да...

– Хочешь, будем вместе?

– Хорошо...

И вот двое идут, взявшись за руки, соединяя свои маски из плоти и крови, а в это время их души с любопытством поглядывают друг на друга, пытаясь понять, не встретили ли они своего близнеца, потерянного при первом разделении...

III

Жизнь и смерть

«Какая радость, какое счастье! Родился ребенок! Наш сын появился на свет!»

Так встречают люди появление на Земле нового человека. Кажется, что всех благ мира мало для этого крошечного тельца, которому требуется самая надежная защита и самая нежная забота. Поцелуи, подарки, слезы радости и счастья – вот знаки этого события в нашей жизни.

* * *

«Какое ужасное горе! Моя душа разрывается от боли! Я потерял дорогого человека!»

Так оплакивают люди уход тех, кто был с ними рядом, и их погружение в темное таинство смерти. Слезы грусти, скорби и отчаяния сопровождают переход души из одного мира в другой.

* * *

Мы редко задумываемся над тем, откуда мы приходим, рождаясь на свет. Речь идет не о религиозном или философском обосновании появления душ, а о чем-то совсем простом: если мы приходим в эту жизнь, значит, уходим из какого-то другого мира, каким бы он ни был. А разве в этом ином мире мы не оставляем каких-то скорбящих, плачущих существ, когда покидаем его, чтобы отправиться в мир живых? Не станет ли тот момент, который радостно празднуют наши родители, горем для других, нематериальных родителей, которые видят, как пребывавшая с ними до этого самого мгновения душа покидает их?

А когда мы умираем и покидаем Землю, то куда уходим? Если мы откуда-то уходим, то куда-то направляемся. В бесконечности нет ограниченных пределов. И разве там, куда мы идем, нас не встретят радостными улыбками, пока родные будут оплакивать нас на Земле?

* * *

Жизнь и смерть – это две стороны одной медали: ЖИЗНИ. Мы, находящиеся здесь, пришли откуда-то и куда-то направляемся, но никогда не перестаем быть.

То, что люди называют жизнью, – это появление души на Земле, ее проявление в материи. А то, что люди называют смертью, – освобождение той же самой души от ее материальной оболочки, когда она уже не может жить в этом мире и направляется в иной.

Земная жизнь – это царство формы. И именно здесь Майя чувствует себя уверенно и надежно. Она играет с жизнью, играет с формами, изменяет их и приспособливает, чтобы достичь своей цели – чтобы было больше материальной жизни, больше форм, больше разнообразия.

Когда в мире Майи появляются формы, они обычно невелики по размеру. Этот прием иллюзии помогает защитить молодые существа. Такая крошечная жизнь не может ни у кого вызвать других чувств, кроме сочувствия и нежности. Ребенок, маленький зверек, раскрывающийся бутон – все они просят заботы и любви. Люди склоняются не только над своими маленькими детьми, но и над маленькими животными, даже если потом те, когда вырастут, станут опасными. Взрослый тигр – совсем не то же самое, что маленький тигренок: первый

– дикий и страшный, второй – милый и кроткий. Даже животные робеют перед маленькими детьми, и тот же самый зверь, который нападает на взрослого человека, может защитить маленького ребенка. И это потому, что Майя накладывает на ослепленные яростью глаза целительную повязку сострадания: надо во что бы то ни стало спасти жизнь; создание этих форм жизни потребовало слишком много усилий и терпения, чтобы разрушить их одним ударом.

Когда формы достигают пика своего существования в мире Майи, они перестают быть беспомощными и беззащитными и вызывают уже не нежность, а скорее чувство соперничества. Это борьба за существование, в которой сильный побеждает слабого. Любовь может смягчить эту борьбу, но, строго говоря, все равно все зиждется на силе – физической, психической, умственной или духовной. И всегда, в любой области побеждает сильнейший. Спортивные соревнования, которые так любят люди, всего лишь игра, отражение другой игры – игры Майи, приложенной к состязанию людей в повседневной жизни.

Прежде чем формы придут в упадок и совсем одряхлеют, они должны выполнить свой первейший долг, установленный для них Майей, – воспроизвести новые формы. С помощью тысяч уловок и хитростей Майя приводит новые тела к материальному существованию и использует для этого уже живущие тела. Их естественный эгоизм не позволил бы им размножаться, если бы не игра Майи, которая обманывает наслаждением и создает иллюзию, что решение продолжить свой род принято этими телами самостоятельно.

А потом начинается упадок форм. Это последний этап, который люди называют старостью. Все старое уже не вызывает ни нежности, ни желания соревноваться с ним. Это лишь изношенные, изнуренные тела, которые нуждаются в замене. Само по себе это хорошее прощание с жизнью – оно уже не позволяет слишком привязываться к блеску форм. Да и сама душа жаждет сбросить свою использованную оболочку, чтобы обрести в другом, идеальном месте ту легкость и ту очарованность, которых уже не дает тяжелое тело. Сама Майя ускоряет этот процесс, погружая людей в бесконечные грезы и лишая их воли, но она никогда не теряет энергию, потому что старые формы обновятся в глубине земли или в легкости пепла. Ничто не исчезает, все изменяется.

Жизнь и смерть – две стороны одной медали, два мгновения вечной игры, повторяющей свои витки, которые люди называют циклами.

Вся Природа играет, кружась: день и ночь, Солнце и Луна, сон и бодрствование, детство и старость... Если все вращается, если все возвращается, если высохшие деревья вновь покрываются зеленью, если море после отлива вновь наполняется могучими водами, почему же мы, люди, должны выйти из этой игры?

Случайностей нет. Есть непрерывная, вечная игра Майи, в которой она под покровом закона случайности привлекает нас и заставляет обретать свой собственный опыт. Жить и умереть вслепую, играя с Майей, или жить и умереть, зная правила игры, – вот в чем заключается вопрос эволюции.

IV

Камни

У Майи много игрушек, и она дает их нам, чтобы с их помощью заставить нас утратить глубинный смысл жизни и поверить, что вся ценность заключена в форме.

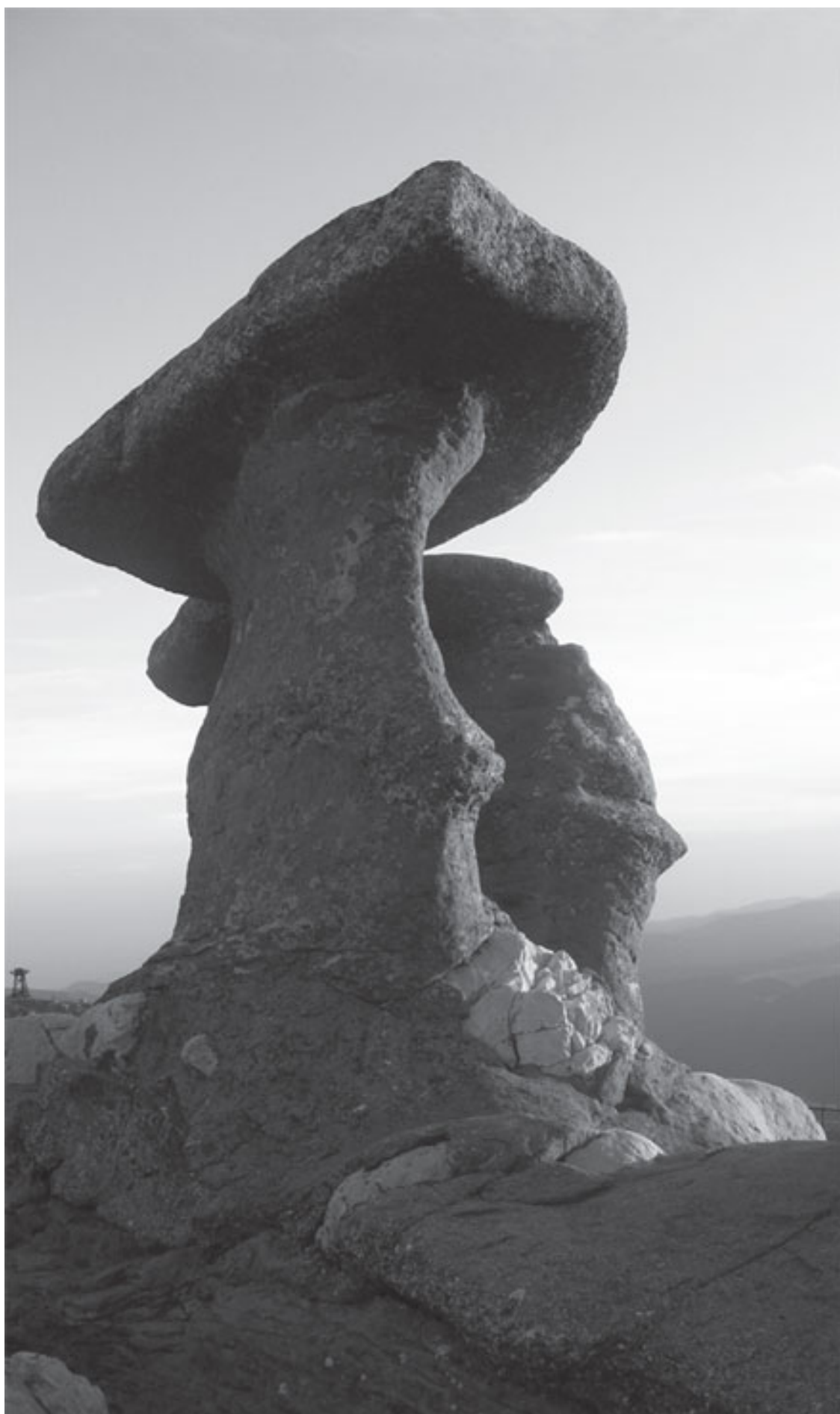
Так происходит с камнями. До недавнего времени их считали – и до сих пор считают – предметами неодушевленными, и человек видит в них лишь объект для самого разного применения.

Из камней можно построить дома, храмы, а можно дороги; камень может пригодиться в быту, а может – после соответствующей обработки – стать красивым и полезным украшением. Все камни считаются холодными, мертвыми, и мы ими пользуемся, как будто жизнь дает нам их в награду за наши труды.

Однако камни живые. Если бы мы осознали это, мы бы, возможно, перестали пользоваться ими. Поэтому Майя скрыла сущность камней под формой инертности, замаскировав таким образом чудеснейший закон сопротивления.

Есть тела, которые проявляют себя путем роста и расширения; но есть и иные тела, проявляющие себя в сопротивлении. На самом деле эти два закона присутствуют в каждом теле, но в разных пропорциях: когда главенствует закон роста, мы наблюдаем движение; когда же мы видим статичный предмет – в нем преобладает закон сопротивления.

Воля камня – это воля к сопротивлению. Он крепко держит свои молекулы, не позволяя им разделяться и рассыпаться. В таких случаях мы говорим «твердая порода». Чем больше сопротивления, тем больше крепости. Чем больше крепости, тем больше воли. Чем больше воли, тем больше жизни.

* * *

Несмотря на игру Майи, заставляющую нас поверить, будто камни мертвы, догадаться об истинном положении вещей нетрудно.

Нетрудно увидеть, что камни, нас окружающие, не очень-то похожи друг на друга, что они различны по своей природе.

Есть камни, как мы говорим, более мягкие и более твердые, с большей или меньшей степенью сопротивляемости. Есть камни более матовые и более прозрачные, с большей или меньшей способностью пропускать свет. Есть камни с разной степенью организации внутренней структуры, причем самые организованные так математически точно выстраивают свои молекулы, что их «геометрические» кристаллы нас восхищают; такие камни мы называем драгоценными. Некоторые камни рождаются в «плодоносных» местах Земли, с более активной и благотворной энергией, другие возникают где попало и как попало. Есть среди камней и «неблагородные».

Некоторым камням суждено лишь беспрекословно подчиняться закону циклов, и ветер постепенно разрушает их, превращая в песок. Судьба других камней, более податливых, – покоряться воле человека и под его руками обрести бессмертие в шедеврах искусства. Но и самый большой камень в пирамиде, и самая крохотная песчинка в пустыне обладают одинаковой природой, главное свойство которой – пассивное, но стойкое сопротивление.

Камни принимают участие в играх Майи, потому что у них есть тело... и ничего больше. Такое же тело, как у тебя и у меня, хотя и по-другому выстроенное. Много в твоём теле и в моём – из того же вещества, что и камни, служащие нам опорой или лежащие под ногами. Но в нас пробудились уже и другие начала: душа, разум, отчасти дух, – а в камне проявилось только тело, все другие начала спят. Они ждут новых, далеких пока времен, когда инертность постепенно уступит место движению. Тогда камень начнет расти, расширяться, и для него наступит новая эра в вечной иллюзии жизни.

* * *

Когда ты услышишь, что солнце нагревает камни и от этого они расширяются, остановись на минуту. Посмотри на них: они живые. То же самое Солнце, что питает нас, заставляет меняться и камни.

Когда ты услышишь, что ночной холод сжимает камни, не пробегай мимо, задумайся: они живые, они съеживаются, чтобы перенести похолодание. Расширение и сжатие – это лишь намек на то, что впоследствии станет биением сердца.

У камней тоже есть сердце. Когда ты идешь по ним, когда проводишь рукой по их поверхности, помни, что перед тобой – живое существо с бесконечным терпением, помогающим ему сопротивляться, помогающим ему ждать.

Вспомни о древних мудрецах – они знали о внутренней жизни камней и металлов и выбирали самые подходящие из них, чтобы создавать свои амулеты и талисманы. Вспомни о древних царях и жрецах, которые увешивали себя драгоценностями: эти камни служили не просто украшениями, но выполняли функцию более важную – испускать и собирать энергию.

По той же причине, по которой камни сопротивляются, они способны тысячелетиями сохранять ту внутреннюю силу, которую дали им их мать – Земля и их отец – светила.

Говори с камнями, играй с ними. Они передадут тебе древнее наставление о крепости и силе. Они расскажут тебе об иных мирах и эпохах. Ты услышишь их слова, дрожащие в

трещинах. Говори с камнями своими твердыми пальцами, своими пальцами, которые так же, как и они, являются материей.

V Растения

Им также присущи и жизнь, и удивительное разумное начало. И Майя тоже играет с ними, потому что ей нужно сохранять и умножать формы этого зеленого царства.

Растения, как и камни, – дети Земли и Неба; в поисках тайны Земли они погружают в нее свои корни и напиваются звездными влияниями, и тогда вырастают ветви, листья, появляются плоды.

В растениях начинают уравниваться две силы – сопротивления и экспансивного роста. Растения растут и открываются Солнцу, но другой стороной они цепляются за мать-Землю, и это акт настоящего сопротивления. Благодаря прочности корней они выдерживают ветры и бури; их листья спят зимой, но летом, когда особенно печет солнце, зеленая крона защищает дерево. Они живут, проявляют себя, движутся и обладают своим собственным способом существования, как бы предвосхищая то, что делают люди, но уже в другой степени.

Растения не похожи одно на другое; в их мире хорошо заметны различия в уровне развития, обусловленные эволюцией. Есть растения очень простые, маленькие и минимально выраженные, а есть большие и мощные – такие как деревья, которые стараются быть похожими на людей.

Ты когда-нибудь внимательно разглядывал дерево? Его ствол подобен нашему телу. От этого ствола отделяются простейшие «ноги» – корни, уходящие в землю, и простейшие «руки» – ветки, поднимающиеся к небу. Корни – это ноги; это ноги, которые не ходят, но зато пытаются закрепиться в своем мире, делая это с незаурядным умом: сегодня я видела дерево, растущее в скалах, – его корни проникли в трещины скалы, используя их, чтобы не сражаться с твердостью камня. Эти ноги-корни так же ищут себе дорогу, как и наши ноги, но их дорога – устойчивость. От устойчивости зависит питание, а от питания – сама жизнь.

Ветки – это руки, наделенные зелеными пальцами. Деревья, наиболее развитые растения, – всегда молятся. Они поклоняются небу, светилам, благословляют ласкающий их ветер и разговаривают с птицами и насекомыми, навещающими их.

У деревьев нет головы... Они еще не думают, но тем не менее чувствуют. Несмотря на обманы Майи с каждым днем появляется все больше людей, которые понимают, что растения вибрируют и принимают эмоции, исходящие от нас. Красота домашнего растения в большой степени зависит от нашего ухода и заботы о нем.

У растений нет головы, но они смиренно приняли тот разум, которым наградил их Бог. Цветок облачается в разноцветные одежды, потому что он смог услышать голос Майи и знает, что, если он не будет привлекательным, не будет и новых цветов. Цветок смягчает ветер, умиляет птиц; и птицы, и ветер помогают ему в любовной игре. Летает пыльца, разносятся повсюду семена, и вечная игра жизни повторяется, чтобы зеленое убранство Земли никогда не исчезло.

Листья живут благодаря Солнцу; их «лица» обращены к царю светил, а «легкие» – к Земле, чтобы предохранить их дыхание от пыли, которую несет с собой ветер. Листья умеют жить и умеют умирать. Тронутые золотом, они падают на землю в гармоничном танце; а согласно мудрому отбору, нижние, более старые ветки опадают раньше, чтобы продлить век более высоких и молодых.

Цветок также обязан своей жизнью Солнцу и всегда обращает к нему свои лепестки, чтобы впитывать в себя это небесное золото. А когда заканчивается пора цветения, когда кажется, что цветок умирает, на его месте завязывается плод, вызванный к жизни жертвой,

которую приносит цветок. А когда и плод высыхает, когда им овладевает увядание, благодаря этой новой жертве появляется семя, начинающее новый цикл. Оно падает на землю, пускает корни, из него развивается новый ствол, воздеваются в молитве ветви, и слышатся новые молитвы цветов и плодов.

* * *

Растения таят в себе неисчислимые загадки. Они обладают фантастическими свойствами, которые люди, ослепленные играми Майи, разучились ценить. Часто употребляя растения в пищу, мы мало знаем о свойствах того, что едим. Одни растения обладают целебными свойствами, другие содержат яд. Сами по себе эти травы ни хороши, ни дурны, а их лекарственная или губительная сила всего лишь одно из качеств, которыми наделила их природа. Некоторые из них способны облегчить наш сон, а другие вызывают кошмары, точно так же как одни плоды сладкие и приятные на вкус, а другие – кислые и вызывают отвращение. Но у каждого растения свое предназначение, каждому уготована своя роль, которую оно добросовестно исполняет, просто наше сознание еще не в состоянии это постичь.

Древние мудрецы умели беседовать с растениями и так узнавали их чудесные свойства и особенности. Да, древние были мудры, мы же – лишь жертвы игр Майи. Да, они умели готовить всевозможные зелья, а мы только и умеем, что принести бесполезное жертвоприношение, воткнув в вазу одинокий цветок.

Растения же – существа не одинокие. Напротив, сколько живых существ живет в них и благодаря им! Внимательный взгляд обнаружит сотни насекомых, которые обитают среди ветвей или корней или выются в разноцветье плодов и цветов... Внимательное ухо расслышит пение птиц, скрывающихся в листве. Да и как представить себе дерево без птичьего гнезда? Деревья – это жилища для птиц, и каждый закат солнца вновь являет нам нескончаемое зрелище торопливой птичьей суеты в поисках ночлега среди ветвей...

Мы сами – когда Майя нам это позволяет – дружим с растениями. Живем рядом с ними, употребляем их в пищу, украшаем и освежаем ими наши жилища. Мы гуляем среди них и благодарим их за спасительную тень летом и за кратковременное убежище от дождя зимой.

Обитают в растениях еще и невидимые нашему глазу существа; подобно маленьким бесплотным гномам, они прячутся среди ветвей и с искренней признательностью поклоняются дереву, давшему им приют.

* * *

Замечал ли ты когда-нибудь, что древесина теплая? Из дерева сделана колыбель, из него же – и гроб... Есть в древесине нечто одновременно и от жизни, и от смерти, она заключает в себе и движение, и покой. Все это – отражение свойств, присущих растениям, – и силы сопротивления, и силы расширения...

Когда ты сможешь остановиться и провести рукой по стулу, на котором сидишь, по своему письменному столу и ощутить пальцами теплоту древесины, вспомни, что некогда она была живым существом, которое отдало свою прочность и силу, чтобы служить – уже не играм Майи, а играм и трудам людей.

У всех нас есть чувства. Мы люди, и мы не можем избежать их власти.

VI ЖИВОТНЫЕ

Нам кажется странным это царство Природы, где превосходство чувств над прочими свойствами привело к тому, что и у людей в отношениях с животными возникают самые разнообразные эмоции. Мы боимся их, любим их, мы к ним безучастны – но едва ли мы восхищаемся ими, хотя для этого достаточно оценить то многообразие проявлений, которое Майя дала в распоряжение этой особой форме жизни.

В наших суждениях о животных мы придерживаемся двух крайних точек зрения: или это вредоносные твари, которых следует избегать, а еще лучше – попытаться уничтожить, или низшие существа (по сравнению с человеком, разумеется), которых можно подчинить себе и использовать без особых угрызений совести. Между этими двумя крайностями находятся все остальные оттенки нашего отношения к животным: человек уже не просто охотится ради пропитания, он испытывает наслаждение от того, что целится в живое тело. Нет недостатка и в тех, кто мучает животное потому, что его собственная трусость не позволяет ему схватиться с себе подобным, с человеком, превосходящим его по силе.

Но неужели Природа дала миру животных лишь затем, чтобы они нас пугали или служили нам? И Майя оттачивает свое мастерство только для того, чтобы давать людям экономический стимул?

Давайте посмотрим, не скрыто ли за завесой этой иллюзии нечто иное.

* * *

Говорят, что у животных нет разума, что они не умеют рассуждать. В принципе это верно, хотя что же здесь дурного? На самом деле животным пошло на пользу то, что им не дали рассудка.

У животных при отсутствии интеллекта проявляются во всей своей простоте и естественности инстинкты и чувства.

В области инстинктов основными для животных являются добыча пищи, самосохранение, самовоспроизводство, забота в течение определенного периода о потомстве и умение вовремя и достойно умереть.

Есть животные, которые едят, пока не пресытятся, но не порок толкает их на это, а особый инстинкт экономии, который велит приберегать пищу «на черный день». Одни прячут пищу в норах и потайных местах, другие – в собственных желудках или в специальных кармашках, которыми Майя оснастила их щеки. Людское чревоугодие чуждо животным; не порочное побуждение, а инстинкт заставляет их есть. Если зверь убивает, чтобы прокормиться, то, по крайней мере, делает это не ради удовольствия, а из необходимости.

Животное нападает ради защиты, а не ради состязания. Оно защищает себя или детеныша, но если не видит от человека никакой опасности, то редки случаи, когда оно ранит или убивает. Здесь присутствует инстинкт самосохранения, но нет стремления убить из «спортивного интереса».

Чтобы уберечь животных, Майя предоставила в их распоряжение тысячи вариантов маскировки, что позволяет им казаться незаметными на фоне красок Природы и существовать таким образом среди своих естественных врагов-животных и среди врагов-людей. Приходилось ли вам видеть насекомых, чья окраска сливается с цветом листы? Или глаза филина ночью, которые легко принять за светлячков? А разве вы не видели полосатую шкуру тигров и кошек, которая кажется незаметной среди ветвей?

Майя помогает всем... и все же большая рыба заглатывает мелкую. Нам видится в Природе какая-то кажущаяся жестокость, которая есть не что иное, как иллюзорная игра в борьбу за существование. Побеждает сила. Но каждое животное наделено каким-нибудь качеством, которое позволяет ему защищаться или скрываться от более сильных; никто не остается беззащитным или обделенным. И весь вопрос в том, чтобы использовать всю силу своих способностей.

Для всех представителей фауны, от мельчайших насекомых до самых высокоразвитых млекопитающих, основополагающим является инстинкт размножения. Но даже у млекопитающих, стоящих по своему развитию ближе всех к человеку, это именно инстинкт, а не порок и не страсть. Животные спариваются и выводят потомство в наиболее благоприятное для развития детенышей время года. В этот период они ищут себе пару, и никакая сила не способна отвлечь их от исполнения своего долга. Но проходит брачный сезон, зверь возвращается к своей прежней спокойной жизни, и ему не приходит в голову стремиться к получению удовольствия в акте без последствий, к союзу без продолжения рода.

Можно привести тысячи примеров того, с какой огромной заботой самки выхаживают своих детенышей. Но мать опекает малыша лишь до тех пор, пока он не начинает обслуживать себя сам. Как только эта цель достигнута, детеныш считается взрослым и «сам строит свою жизнь», а мать занимается своими делами. Здесь нет чувства собственности, есть лишь чувство материнства, заботы, которое исчерпывается, едва завершается естественный период детства и потомство достигает зрелости.

Все животные знают, как следует умирать, и совершают это в безмолвии и спокойствии; некоторые, возможно, с оттенком грусти, но без отчаяния. Они не мыслят... и, может быть, поэтому не сомневаются в собственном бессмертии. Они принимают жизненные циклы и проходят их без размышлений. Они «чувствуют» жизнь, а не рассуждают о ней. И потому мы не наблюдаем у животных той характерной психологической усталости, которая так изводит людей.

* * *

Животные обладают двумя видами разума. Первый свойствен их собственному инстинктивному развитию и заставляет животное действовать безошибочно в любой из моментов жизни, делает из него своего рода «мудреца» от рождения. Другой дается им как бы «в долг» и превосходит возможности самого вида; это нечто вроде «групповой души», порождающей такие действия, которые можно назвать сверхразумными и которые даже у людей вызывают удивление.

В игре Майи все полностью взаимосвязано. Камни, живущие в мире материального спокойствия, содержат в себе проблески движения, которые рано или поздно доходят до них, и тогда камни расширяются или сжимаются. Растения с их жизненной силой, привязанной к земле, обнаруживают проблески чувств, когда, в зависимости от нашего обращения с ними, пышно расцветают или, наоборот, вянут. И животные в своем мире эмоций проявляют проблески интеллекта, что еще даст им возможность когда-нибудь показать себя в другом качестве. Но мы увидим, что и человек разумный несет на себе отпечаток сверхразумного этапа, который пока не доступен ему, но которым он овладеет благодаря непрерывно идущей эволюции.

Есть множество примеров проявления животными высшего разума. Уже достаточно много сказано и написано о жизни муравьев и пчел. Поразительными оказались исследования полета птиц и миграционного инстинкта, влекущего их с одного конца земного шара на другой...

Животные достаточно разумны, чтобы ориентироваться в незнакомой обстановке, избегать препятствий, залечивать раны, распознавать свою территорию, преодолевать большие расстояния почти неведомыми тропами. Есть у них и «радар», пришедший к ним отнюдь не из области здоровых инстинктов и чистых эмоций. Это прообраз разума, практического и ничем не скованного ума, немногим отличающегося от того, которым пользуемся сейчас мы. Назовем его, как мы уже один раз сделали, «групповой душой» или «великим разумом животного мира».

* * *

Но поскольку именно эмоции – наиболее замечательное качество у животных, мы хотим уделить им немного внимания, чтобы и здесь увидеть игру Майи.

Среди животных царит огромное многообразие, и, как и у людей, камней и растений, среди них встречаются более и менее развитые. Мы привыкли думать, что самые развитые животные – те, кого мы называем домашними. Они живут рядом с людьми, принимают законы их бытия, которым подчиняются и которые уважают и любят.

Сколько бы мы ни говорили о преданности животных, мы не в состоянии до конца выразить, что это такое на самом деле. У людей есть некоторое представление о верности, но если потребуется привести ее образец, мы (к стыду своему!) вынуждены будем за примерами обратиться к животным.

Но мне кажется, что животное преклоняется перед человеком, ибо в его понимании человек является божеством. Растение – это бог для камня, а животное – до некоторой степени божество для растения. Таким образом, человек для животных – бог, совершенное существо, уровня которого они когда-нибудь, с течением времени смогут достичь.

Домашнее животное любит своих покровителей, но когда оно встречается со своим «личным богом», своим хозяином, степень его обожания недостаточно назвать любовью. Это любовь безусловная, невзыскательная и незлопамятная. Это любовь и больше ничего...

Видели ли вы, как такие животные всегда ищут общества своих хозяев? Видели ли вы, как они охраняют их, как следуют за ними и после смерти? Видели ли вы, с каким обожанием относятся ко всему, что принадлежит хозяину: его вещам, одежде, запахам, голосу? Как наостряют уши еще до того, как человек успел сказать им хоть слово?

Несмотря на то что Майя играет с нами и нашими чувствами, несмотря на то что разум наш все еще формируется, здесь нам дана прекрасная возможность извлечь самый действенный урок.

Нам еще многого недостает, чтобы стать «домашними людьми», людьми высокоразвитыми. Мы не столь безоговорочно признаем своих богов, как делают это животные. И хотя эти боги нам и являются, мы не любим их и не следуем их наставлениям; божественный закон для нас – всего лишь абстракция, а священный завет – в большинстве случаев условность. Нам неведомы ни настоящая преданность, ни настоящая верность. И если бы

пришлось выбирать между жизнью среди людей и следованием за своими богами до самой смерти... – человеческий эгоизм, «превосходство ума» заставили бы нас предпочесть ложный путь.

Среди окружающих нас иллюзий мы смутно различаем проблеск истины: если звери чисты и невинны в своих инстинктах, в своих чувствах и в своем врожденном разуме, почему бы нам не поучиться у них искренней любви к Богу? Почему бы и нам не руководствоваться этим инстинктом, толкающим их на поиски – причем безошибочные – всего высшего? Может быть, тогда, наконец, наш рассудок нам пригодился бы...

VII Человек

Человек – это существо, которое, возможно, более всех запуталось в играх Майи.

Это происходит потому, что в человеке, если обратиться к эволюционной лестнице, есть одновременно и что-то от камня, и что-то от растения, и что-то от животного, и нечто, что определяет его как человека. От камней мы унаследовали свое тело, материальный состав которого ничем не отличается от состава горных пород и земли. От растений – способность к жизни и росту. Нам, как и животным, знаком мир эмоций. Рассудок же возникает как чисто человеческое качество, хотя он и не столь совершенен, как тело, не столь абсолютен, как жизненная сила, и не столь чист, как животное чутье; разум находится пока в процессе развития, он во многих отношениях слаб и незрел, легко поддается на обман, часто попадая в сети иллюзий.

Таким образом, от трех миров, предшествующих ему на лестнице жизни, человек наследует и их преимущества, и их проблемы. И среди этих проблем – троекратная опасность (да плюс еще своя собственная) погрузиться в игры Майи. Человек подвержен им и как минералы, и как растения, и как животные, и как собственно человек.

* * *

Но причастность к трем описанным выше царствам жизни – не единственная причина, заставляющая человека становиться жертвой иллюзий. Решающую роль здесь играет неустойчивость, шаткость собственно человеческого состояния.

Представим себе путника, пытающегося взобраться на гору и на полпути вдруг теряющего равновесие. Ему все равно, подниматься или спускаться, потому что пройденный путь равен оставшемуся. Но его ноги дрожат, не находя опоры, а руки не могут ни за что зацепиться. Человек растерян: ноги его не держат, а руки не помогают подниматься. Он как будто распят в пространстве: ноги его на земле, руки – в воздухе, но этого явно недостаточно, чтобы справиться, чтобы преодолеть это мнимое равновесие промежуточного положения.

И сейчас нашему путнику легче упасть, чем продолжать подъем...

Проделанный путь в нашем примере можно сравнить с эволюционным путем человека, со всем опытом, который он накопил на предыдущих этапах, будучи камнем, растением, животным и самим собой. Оставшийся отрезок пути символизирует дальнейшую эволюцию. Если пройденный путь мы определим как материальный опыт, накопленный человеком, а оставшийся – как духовный опыт, станет ясно, почему для него легче упасть, чем подниматься дальше... Для человека, находящегося на полпути, сила тяготения материи превышает силу духовного притяжения.

В этой промежуточной точке – а это отнюдь не точка равновесия – человек, скорее, чувствует родство с состоянием камня, растения или животного, нежели причастность к своей будущей духовной сущности. Он жаждет развиваться, но это дается ему с огромным трудом... Он хочет стать лучше, но ему страшно расстаться со всем тем, что составляло его жизнь до настоящего момента. В своей слепоте, вызванной Майей, он хочет быть богом, оставаясь при этом человеком.

Это подобно тому, как если бы камень захотел стать цветком, не расставаясь со своей неподвижностью, или как если бы дерево пожелало стать зверем, не отделившись при этом от земли и корней.

Преодолеть свое шаткое равновесие человек может только ценой жертвы. Чтобы подняться до вершины, активно помогая себе руками, ему придется выбросить все ненужное, все, что мешает при подъеме. То, что на каком-то этапе пути было опорой, теперь превратилось в тяжкий груз. Чтобы быть человеком, нельзя вести себя как камень, растение или животное. Это уже прошлое, и хотя его опыт можно использовать в настоящем, но нельзя допускать, чтобы он довлел над настоящим... Для того чтобы стать «сверхчеловеком», нужно перестать быть человеком. Чтобы откликнуться на древний зов души, на этот голос, идущий издалека и заставляющий нас делать шаг вперед, нужно покинуть то ложное равновесие, в котором находится сейчас человек, распятый в пространстве. Одним словом, нужно решиться, нужно предпочесть одно другому, нужно выбрать.

* * *

Поэтому Майя играет с людьми, с их вечной нерешительностью, и, чтобы лучше игралось, все более и более усиливает ощущение зыбкости и неустойчивости. Из-за этого ощущения все нити этой фантастической сети иллюзий кажутся последним средством спасения, но на самом деле они столь же непрочны, как нити паутины – а именно ими они и являются.

И Майя играет с нашими чувствами, с нашим детским рассудком, заставляя нас видеть то, чего на самом деле нет.

Чувства обманывают нас не потому, что они не развиты, а потому, что мы придаем их оценкам больше важности, чем следовало бы. Осязание, вкус, слух, зрение, обоняние служат для того, чтобы оценивать конкретные реалии окружающего мира и сообщать о них нашему сознанию. Но если к простой информации об испытываемых ощущениях мы добавляем пыл своих чувств, свои «нравится» или «не нравится», свои незрелые рассуждения о том, что ценно, а что нет, – тогда наши ощущения искажаются, а образ, возникающий в нашем сознании, не соответствует действительности. Это еще одна иллюзия, над созданием которой Майя основательно потрудилась. Мы уже видим не цвет, а лишь нечто приятное нам или раздражающее нас. Мы уже не слышим звучания, а лишь измеряем длину звуковых волн...

Что более всего искажает наши ощущения? Мысли и эмоции. Или, попросту говоря, наш повседневный рассудок, который, будучи далек от чистоты, всегда окрашивается эгоистическими эмоциями. С большим пониманием мудрые люди в древности говорили: «Ум – царь чувств». Человеческий разум, пользуясь своим «превосходством», претендует на руководство всеми сферами жизни, в какие только может проникнуть. Но именно из-за него человек и оказался в состоянии неустойчивого равновесия; этот ум еще не совсем забыл животный этап своей эволюции, а потому его раздражают страсти, и этот же ум пусть с большим трудом, но предчувствует и свое будущее высшее предназначение. Его власть эгоистична; кажется, что он повинуется нашему «Я» и угождает нам своим эгоизмом, но на самом деле он служит исключительно Майе, ей и только ей.

* * *

Велик перечень заблуждений, в которые может впасть человек. И они тем опаснее, чем больше наши мысли и чувства искажают наше видение.

Тело наше, разумеется, уже не столь примитивно, как минерал. Его запросы превосходят собственные размеры и возможности. Но страсти еще способны вдохнуть жизнь в эти изнуренные усилиями оболочки, разрушающиеся от времени и невзгод. И мы едим, спим, пьем, любим не «как животные», а гораздо отвратительней.

Природная тяга к жизни у нас обострена до крайности, и, вместо того чтобы, подобно растениям, пребывать в счастливом покое, мы мечемся, задыхаемся в дыму, бессмысленно бросаемся во все стороны, пренебрегая собственным здоровьем, которое начинаем оплакивать, едва потеряем.

Что касается эмоций, то они настолько довлеют над нами, что совершенно замутняют рассудок. Когда они растут и множатся, когда превращаются в страсти и навязчивые идеи, уже невозможно оставаться человеком: мы становимся неспособны думать, рассуждать, анализировать, взвешивать и решать. Страсть требует всего... и все разрушает, обращая против нас наши же собственные силы.

Разум полагает, что мыслит, но инерция материального мира, в плену которой он пребывает, делает его неповоротливым и слабовольным. Разум перестает мыслить. Он отдается на волю мнений, шаблонных идей, требований моды, пока не закаменеет совсем. Так стрелки старых, заржавевших часов уже не могут двигаться, но всегда найдется какой-то простак, который, обманувшись внешним сходством, будет утверждать, что перед ним все-таки часы. Но к чему нам часы, которые не показывают время? И на что годится разум, если он утратил свою изначальную способность наблюдать, сравнивать, узнавать, распознавать?

* * *

В глубине души этого попавшего в плен иллюзий человека глухо стелет слабое создание, еще более юное, чем наш юный разум, тщеславный и гордый своей властью. Это искра духа, которая изо всех сил пытается быть услышанной... Это прародитель, требующий, чтобы осуществились предначертания судьбы... Это реальность, пытающаяся сбросить пелену, которую Майя накинута на наши ослепленные глаза... Это слабая искра духа, которая, тем не менее, если однажды была заронена, способна расти и становиться все более могущественной, превосходя все другие, ложные силы. Это слабый звук, который превратится в грозный глас. «Это ручеек, предвещающий бурный поток»... Это Человек.

VIII

Природа

Ничто не представляется человеку более естественным, чем Природа. Но естественным не с философской точки зрения, не в смысле ее соответствия упорядоченному течению эволюции и божественному закону. Она кажется естественной с его, человеческой позиции, как что-то, что существует ради самого человека. То есть он полагает, что все на свете существует просто ради его удовольствия или его пользы.

Все царства, предшествующие человеческому и сосуществующие с нами под покровительством Природы, предоставлены в наше распоряжение. Мы можем бездумно использовать минералы; растения мы можем употреблять в пищу или делать из них одежду; животных мы, естественно, едим или используем для разного рода работ. Земля существует, чтобы прорастали зерна, которые мы в нее бросаем, или для того, чтобы как можно быстрее накапливать для нас сокровища и как можно легче отдавать их нам. А еще я слышала, будто звезды на небе суть лампы, которые Господь сотворил, дабы они сопровождали человека в его ночных странствиях. Если это поэтический образ, то он, безусловно, прекрасен. Но если это утилитаризм – а я боюсь, что так и есть, – то мы встречаемся с утверждением, что звезды ни на что другое не способны, как только сиять и освещать, потому что человек – ЧЕЛОВЕК, самое «совершенное» творение во вселенной, – пока еще не способен видеть в темноте.

Воспринимая мир через подобную призму, мы снова оказываемся в ловушке Майи, поскольку не изучаем раскрытую перед нами книгу Природы, а вместо этого рвем обложку и треплем ее листы без малейшего сожаления и, как сейчас выясняется, не получая никакой выгоды.

Природа – это естественная сцена, где мы можем осуществлять свой опыт, накопленный к настоящему времени. Но вместе с нами в этом мире живут, познают и проявляют себя и камни, и цветы, и животные, и звезды... Человек – это лишь одна из множества ступеней, составляющих великую лестницу эволюции. И кто знает, нет ли в Природе других существ, более высокоразвитых, чем человек, и недоступных нашему восприятию? А если нам стали доступны все возможные масштабы, то почему бы не рассмотреть то, что выше нас самих?

Но материя предстает в огромном, почти бесконечном множестве форм воплощения. Одни из них ощутимы и доступны глазу. Другие гораздо слабее регистрируются нашими органами чувств и не воспринимаются нами. Когда солнечный свет заполняет все пространство, ослепляя нас, разве кто-то утверждает, что звезд не существует? А когда ночь окутывает все вокруг безмятежной мглой, а на небе сияют звезды, разве мы говорим, что в мире исчезли краски? В зависимости от момента мы что-то видим, а что-то – нет. В какой-то момент проявляется одно, в какой-то момент – другое. Но и то, и другое существует, а наша способность воспринимать это зависит, конечно же, от ситуации, от нашего понимания и от той ступени эволюции, на которой мы пребываем.

Для того чтобы понимать, недостаточно видеть. Нехватка понимания и мудрости существенно ограничивает наше видение. Если для человека важна лишь материальная сторона существования, Природа ничего не сможет ему сказать. Для тех же, в ком начало происходить духовное пробуждение, Природа, как мы сказали ранее и как говорили многие до нас, – это открытая книга, неисчерпаемый клад познания. Если взглянуть на древесный листок равнодушно, он будет нем для нас, но тот же листок многому нас научит, если к нему приглядеться: тогда обнаружится множество важных деталей, которые красноречиво расскажут нам о жизни этого листка. Его цвет, форма, размер, прожилки, способ дыхания и погло-

щения солнечных лучей, – все эти аспекты его жизненных проявлений указывают на тот разум, который управляет жизненной силой этого листа.

Поэтому возможно, что мы, ослепленные Майей, только потому не видим более совершенных, чем наша, форм жизни, что смотрим на Природу с равнодушием невежд. Нужно лишь хоть немного стряхнуть с себя тяжелый, беспробудный сон, чтобы это понять.

Подобно тому как в камне есть зерно будущей подвижности дерева, как в растении есть зерно будущей чувствительности животного, как в животном есть зерно будущей разумности человека, – точно так же в человеке есть зерно будущей духовной мудрости «сверхчеловека». Достаточно стряхнуть с себя тяжелый, беспробудный сон, чтобы в нашей душе начало пульсировать будущее. Достаточно приоткрыть глаза, чтобы заметить, что человек, отягощенный столькими несовершенствами, не может быть последним и наиболее совершенным творением Природы. Достаточно захотеть, чтобы понять, что если мы смогли увидеть в самих себе отблески грядущего, то оно, это грядущее, быть может, уже где-то существует – где-то в другом месте, в каком-то ином измерении, записанное иным языком той же Природы, однако до времени скрытое от нас.

* * *

Небо и земля – вот место действия Природы. В промежутке между ними находят свое выражение бесчисленные формы жизни. Из небесного пространства они улавливают космическую силу звездного таинства, таинства грядущего. На земле их корни погружаются в иное таинство – ушедшее в прошлое таинство сотворения материи. Все мы являемся формами жизни, и в нас, по словам Платона, присутствует и то, и другое – в нас есть нечто от материи и нечто от духа, и на нас возложена вся ответственность решения драматической задачи – достичь точного равновесия между ними.

Все формы жизни, включая и нас самих, произошли от матери и от отца. Мать – это горизонтальная земля, щедрая, питающая нас, способная дать нам приют и молча принести себя в жертву, лишь бы удовлетворить наши нужды. Отец – это вертикальное небо, которое зовет нас ввысь, заставляя поднять взор; оно не дает пристанища, а напротив, требует от нас жертвы, не облегчает нам жизнь, но сулит благословенные трудности. «Через тернии – к звездам».

* * *

Все в Природе трепещет и поет. Ничто не пребывает в покое. Все стремится к какой-то цели, все исполняет свое собственное предназначение.

Поэтому Пифагор говорил нам о «музыке сфер», о движении светил и о гармонии, которую создают эти небесные тела при своем вращении.

И в нашей земной Природе все тоже трепещет и поет. И в ней тоже есть особые тона, которые задают ритм ее собственного движения. Пребывали ли вы когда-нибудь в абсолютной тишине, слушая только шепот Природы? Но не той природы, что придумана для человека, – не гул больших городов и не грохот машин. Слышали ли свободный шум ветра, шелест листвы, шорох морских волн, слышали ли, как роятся вокруг тысячи мельчайших существ, а мы почти не осознаем этого?

Знающие люди утверждают, будто наша Природа, наша Земля издает звук, который мы называем нотой фа... В основе нашего музыкального звукоряда лежит семь нот: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Эти семь звуков согласуются с семью цветами. Нота, на которую настроено наше существо и которую воспринимает наше ухо, располагается посередине этого звукоряда и символизирует состояние человека, распятого в пространстве: три ноты вверх,

три внизу – часть пути позади, а часть еще предстоит пройти. И в этой точке одно и другое соединяются, смешиваются. Такова Природа. Нужно только чуть-чуть стряхнуть с себя тяжелый сон, чтобы услышать, как она поет. Она живая; это источник нашей материальной жизни; в ней ищет покровительства Майя, играя с ней и с нами. И нет в мире ничего более естественного.

IX

Четыре времени года

Когда ученые пытаются объяснить причину тех климатических колебаний, которые периодически происходят на нашей планете, они ссылаются на наклон земной оси по отношению к плоскости ее обращения вокруг Солнца. К тому же у Земли бывают моменты наибольшего и наименьшего приближения к Солнцу. Все это вкуче приводит к тому, что в течение года климат претерпевает разнообразные изменения, которые мы традиционно объединяем в четыре группы и называем временами года.

Тем не менее, когда играешь с Майей, недостаточно просто наблюдать само явление; Майя никогда ничего не делает просто так. Интересно было бы знать, какой целью задавалась она в тот день, когда изменила угол наклона земной оси.

Древние предания, которые мы находим во всех развитых цивилизациях, гласят, что были времена, когда земная ось не была наклонена, а располагалась точно по вертикали. Тогда вдоль экватора тянулась область, которая по своим климатическим условиям вполне могла бы сойти за то, что мы называем раем: вечная весна, неизменные и благоприятные температуры, день, равный ночи, и необычайная возможность сеять и собирать урожай, почти не прилагая к этому никаких усилий.

Возможно, что в те времена человек тоже очень отличался от сегодняшнего. Те же предания рассказывают нам о существе бесхитростном и наивном, не слишком толковом, не слишком рассудительном, не имеющем ни большого опыта, ни лукавства, которое приобретает благодаря этому опыту. Единственное, что имело для него значение, – это выживание, и единственное, перед чем он преклонялся в благоговении, – это безмерность Природы, которая позволяла ему интуитивно чувствовать присутствие Бога.

Но все изменилось.

Однажды в результате очередной катастрофы – о ней тоже упоминают древние легенды – лик Земли стал иным, а полюса стали указывать другое направление. Земному раю пришел конец. Началась эпоха страданий, эпоха трудов, эпоха, на протяжении которой часть людей медленно и болезненно обрела сознание.

Так родились времена года и стали периодически повторяться сезонные изменения. Так появились холод и жара, свет и тьма, дожди и засухи, шторм и штиль... И человеку пришлось жестоко бороться, чтобы покорить эту новую Землю, ему нужно было внимательно и терпеливо наблюдать за Природой, чтобы знать, какой момент более благоприятен для его трудов, для сбора урожая. Ему пришлось искать для себя укрытие и одежду, потому что долгие морозные ночи сменялись днями палящего солнца. Так начались бесконечные переселения в погоне за мечтой о лучшем месте для жизни...

Земля, эта великая мать, которая хранит и поддерживает все разнообразные формы жизни, снова принесла себя в жертву, совершив очередное изменение, чтобы снова подать пример.

Люди, которые пришли после всех этих перемен, уже не были так наивно невежественными, как их предшественники. В них была разбужена искра сознания, и для того, чтобы эта искра разгорелась им на благо, они должны были с честью выдержать длинный ряд испытаний.

И одним из этих испытаний был труд, осознание значимости своего существования, ощущение ценности каждого дня.

И, может быть, самым важным из этих испытаний было научиться чувствовать в самом себе и во всей окружающей Природе ритм времени, разворачивающегося в размеренном чередовании циклов.

* * *

Если бы потребовалось выделить какое-то свойство времен года, вернее всего определяющее их, мы бы сказали, что это цикл, который повторяется ежегодно. Никому не приходит в голову удивляться тому, что времена года следуют друг за другом согласно установленному ритму и всегда в одном и том же порядке: весна, лето, осень, зима. Напротив, все удивились бы, если бы случилось по-другому.

Весна – это рождение жизни на Земле. Это время, когда все расцветает и открывается навстречу благотворным солнечным лучам. Это пробуждение, это теплое дыхание, которое начинает проявлять себя.

Лето – это полнота жизни. То, на что весна только намекала, сейчас полностью раскрывается. Это время созревания плодов.

Осенью жизнь начинает плавно клониться к закату; листья теряют свой блеск и уже не могут прочно держаться на ветвях; исчезают цветы и плоды. На смену зеленому цвету приходит золотистый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.